

УДК 81'373

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ГРУСТИ
И ОСОБЕННОСТИ ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ****О.О. ГРАФУТКО***(Минский государственный лингвистический университет)**oksanagrafutko@gmail.com*

Рассматриваются лексические средства передачи грусти и их функционирование в художественном дискурсе на английском и белорусском языках. Установлена частеречная представленность выявленных единиц, в рамках частей речи выделены семантические группы, в которых прослеживаются сходства и различия. Раскрыты особенности передачи эмоции грусти в речи персонажей и автора, а также роль анализируемых единиц в семантической структуре дискурса.

Ключевые слова: художественный дискурс, эмоции, эмотивность, грусть, отрицательные эмоции.

Введение. Мир человеческих эмоций чрезвычайно сложен по своей природе, потому непросто поддается научному изучению. Причиной тому – психическая сущность эмоциональных состояний, т.е. невозможность непосредственного наблюдения за процессом возникновения, протекания и загугания того или иного переживания. Вместе с тем научное исследование эмоций необходимо, ведь они «служат организующим и мотивирующим фактором поведения человека, его личностного развития и отношений с окружающим миром» [1, с. 14].

Эксплицитное проявление эмоций может принимать две формы: физиологические реакции (миимика, бледность или покраснение кожи, плач, смех) и отражение в языковой и речевой деятельности [2]. Существование человека в социуме наделяет вторую – лингвистическую – форму трансляции эмоций особой ролью: еще в начале XX в. Ж. Вандриес справедливо заметил, что «чувства приобретают значение... только тогда, когда они выражены лингвистическими средствами» [3, с. 136].

Основная часть. Многообразие эмоций как явлений психики представляет определенную сложность для исследователей прежде всего потому, что практически невозможно подсчитать их точное количество, т.к. некоторые эмоциональные состояния существуют лишь в форме смутных ощущений и не получают отражения в языке [2]. Кроме того, отмечается, что «структура словаря эмоций не изоморфна структуре самих эмоций» [4, с. 315], что объясняет проблематичность создания единой классификации эмоций и лингвистических средств их передачи. В связи с этим нельзя не согласиться с Б.И. Додоновым, утверждающим, что создание универсальной классификации в целом невозможно, т.к. для решения разных исследовательских задач необходимы принципиально разные классификации [5].

Тем не менее существует ряд классических подходов к классификации эмоций, к примеру, по знаку эмоции (положительные и отрицательные) [4, 6–8] и по простоте (простые и сложные) [1, 5, 9, 10], хотя и у этих классификаций есть противники. Так, К. Изард выступает против классификации по первому критерию [1], а Э. Ортони и Т. Тернер ставят под вопрос существование базовых эмоций [8]. Обратившись к классификации по второму критерию, можно обнаружить, что разные авторы причисляют к числу базовых разное количество эмоций, однако определенный набор встречается у большинства исследователей: гнев/злость, радость/счастье, грусть/печаль и страх (причем сами названия групп эмоций отличаются вариативностью) [8].

Целью настоящей статьи является выявление лексических средств репрезентации эмоции грусти в художественном дискурсе на английском и белорусском языках, а также определение сходств и различий в их составе и функционировании в двух языках. Материалом исследования послужили лексемы, отобранные методом сплошной выборки из двух англоязычных («Purity» J. Franzen, «The New Republic» L. Shriver) и трех белорусскоязычных романов современных авторов («Марыянеткі і лялькаводы» М. Юзык, «Перакулены час» М. Юзык, «Цень анёла» М. Клімковіч, У. Сцяпан). Общее число отобранных словоупотреблений, репрезентирующих грусть, составило 600 и 442 соответственно.

Исследователи, занимающиеся проблемой языковой репрезентации грусти, придерживаются разных взглядов о ядерном компоненте рассматриваемого класса: так, центральным элементом этой группы предлагается считать горе, а грусть и печаль – лишь его частными модальностями [11]. Более широко признанным родовым понятием для данного семантического класса является грусть [12; 13]. Оттенками грусти считаются такие переживания, как тоска, печаль, скорбь, скука [12], обида [13], горе, огорчение, отчаяние, меланхолия [14] и др., причем близость каждой из этих отрицательных эмоций к эмоции грусти разнится – к примеру, обида сочетает в себе грусть и злость [13].

Отмечается, что грусть не всегда является однозначно отрицательной эмоцией. Не вызывает сомнения существование и так называемой светлой грусти, совмещающей горькие и приятные переживания [15], что доказывают следующие примеры из нашей выборки: *Only the moan of the wind flutes remained, the countryside's panpipes differentiating into separate notes a quarter tone apart and striking bittersweet minor chords* 'Остался только стон ветряных колокольчиков, свирели сельских просторов играли отдельные ноты с различием в четверть тона и брали **горько-сладкие** минорные аккорды'¹ [16, p. 203]; *Гадоў трыццаць як забылася Яніна на гэты медальёнчык... Дрыготкімі рукамі паднесла бабулька яго да вуснаў, пацалавала, расплакалася і на некаторы час стала яна маленькай... маленькай дзяўчынкай Яніначкай, якая так любіла сядзець у матулі на каленях, туліцца да мяккіх грудзей, слухаць лагодны голас* [17, с. 134].

В самом широком смысле грусть рассматривалась нами с точки зрения когнитивного сценария «Случилось что-то плохое» (в настоящем или прошлом), предложенного А. Вежбицкой [18], т.е. причиной для грусти может быть разлука, утрата, разочарование, одиночество, неудача и т.п. [1]. Решение о признании лексической единицы репрезентантом исследуемой эмоции принималось на основе дефиниционного и контекстуального анализа. В выборку включались слова, в определениях которых в той или иной форме присутствовало указание на грусть или печаль или если его можно было обнаружить при развертывании дефиниции: *loss* 'потеря, утрата' – 'the feeling of **grief** after losing someone or something of value' [19]; *снахмурнелы* – 'які стаў панурым, сумным (пра чалавека)' [20].

В случае отсутствия в определении прямого или косвенного указания на исследуемый класс или включения в дефиницию, наряду с эмоцией грусти, других переживаний, проводился анализ ближайшего лингвистического контекста и экстралингвистической ситуации. К примеру, лексемы *sigh/уздыхаць* не сводятся к выражению грусти: *to sigh* 'вздыхать' – 'to emit a long, deep audible breath expressing sadness, relief, tiredness, or similar' [19]; *уздыхаць* 'рабіць уздыхі', где *уздых* – 'глыбокі ўдых і выдых як выраз смутку, развагі і пад. пачуццяў' [20], однако в ряде контекстов сема грусти выходит в них на первый план: "Oh, Kellogg, not you, too." *He sighed in fatherly disappointment* – 'Келлогг, и ты туда же? – Он вздохнул, по-отечески разочарованный' [16, p. 123]. Наличие в ближайшем окружении лексемы *disappointment* 'разочарование' – '**sadness** or displeasure caused by the non-fulfilment of one's hopes or expectations' [19] – позволяет актуализировать в глаголе *sigh* сему грусти. Рассмотрим пример на белорусском языке: *Я ўсё для цябе зраблю. Таму што нас на зямлі толькі двое... – Нілыч уздыхнуў* [17, с. 193]. Обратившись к сюжету романа, можно обнаружить, что подчеркнутая фраза указывает на трагическую гибель жены Нилыча (она же – мать его собеседника), и воспоминание об этом печальном событии заставляет героя грустно вздохнуть.

Отобранные лексические единицы были подвергнуты дальнейшему анализу по ряду критериев. В первую очередь была выявлена частеречная представленность исследуемых эмотивных лексем в обоих языках. Знаменательные части речи были распределены по пяти группам (табл. 1).

Таблица 1. Частеречная представленность лексических средств репрезентации грусти в художественном дискурсе

	Английский язык	Белорусский язык
Существительные	26,7%	30,1%
Прилагательные	42%	28,5%
Глаголы	22%	22,4%
Наречия	7%	17,4%
Сентенциальные наречия	2,3%	1,6%
	100,00%	100,00%

Как видно из таблицы 1, наиболее близкими по частотности употребления являются глаголы – 22% от всех отобранных словоупотреблений на английском языке и 22,4% на белорусском. На основе семантики глаголы были разделены на три группы.

Первая группа объединена значениями «испытывать/вызывать грусть», к примеру: *to miss* 'скучать' – 'feel regret or sadness at no longer being able to enjoy the presence of', *to sadden* 'печалить' – 'cause to feel sorrow; make unhappy' [19]; *бедаваць* – 'цярпець душэўныя пакуты; выказаць перажыванні, смутак, жаль', *расчараваць* – 'выклікаць у каго-н. пачуццё смутку, маркоты' [20]. Для англоязычного дискурса эта группа глаголов является преобладающей – она включает 58% от всех глагольных словоупотреблений, в произведениях на белорусском языке она представлена меньше – в количестве 35%.

Второй по употребительности оказалась группа глаголов, обозначающих невербальные эмоциональные реакции. Сюда относятся глаголы *to cry* 'плакать', *to keen* 'причитать (по покойнику)', *to sigh*

¹ Здесь и далее перевод наш, если не указано иного – О.Г.

‘вздыхать’, *to sniffle* ‘шмыгать носом’, *to sob* ‘рыдать’, *to weep* ‘рыдать’; *анасці, панурыць, плакаць, рыдаць, уздыхаць, усхліваць*. В дефинициях этих единиц, как правило, есть указание на переживание сильной эмоции в общем или грусти в частности, либо же это значение можно вывести из контекста, например: *to weep* ‘рыдать’ – ‘to express deep **sorrow** for usually by shedding tears’ [21]; *плакаць* – ‘праліваць слёзы (ад болю, **гора** і пад.), звычайна утвараючы пры гэтым нечленараздзельныя галасавыя гукі’ [20]. Их доля составила 31% среди англоязычных глаголов и 47% среди белорусскоязычных.

Менее распространенным репрезентантом исследуемой эмоции является группа глаголов сочувствия – в нее входит 11% от общего числа отобранных глаголов на английском языке и 18% на белорусском. В значении лексем этой группы присутствует сема *sympathy/сначуванне (спагада)*, которая является разновидностью грусти/печали: *sympathy* – ‘feelings of pity and sorrow for someone else’s misfortune’ [19]; *сначуванне* – ‘спагадлівыя, зчлівыя адносіны да чыйго-н. гора, няшчасця’ [20]. К этой группе причисляются следующие единицы: *to commiserate* ‘сочувствовать, соболезновать’, *to move* ‘трогать’, *to pity* ‘жалеть’, *to sympathize* ‘сочувствовать, сострадать’; *спагадаць, сначуваць, шкадаваць*. Приведем несколько примеров.

В англоязычном романе встречаем: *But preferring them as parents made her **pity** her mother, who was alone in Felton and had done her best with the poor resources she had* ‘Но, лоя себя на том, что предпочла бы их в качестве родителей, она испытывала **жалость** к матери, которая сейчас одна в Фелтоне и которая дала ей максимум возможного при столь скудных ресурсах²’ [22, р. 263]. Мать героини испытывает одиночество от расставания с единственной дочерью, и несчастье женщины, подарившей ей жизнь, вызывает у девушки жалость и погружает в уныние. Один из персонажей белорусскоязычного романа на смертном одре говорит брату: *Ты пра некла тое людзям перадай... каб страх Божы яны не гублялі... Шкадую іх, і забойцаў, і гвалтаўнікоў, і самагаўцаў, і здраднікаў вой як **шкадую*** [17, с. 212] – очевидно, что персонаж испытывает глубокую печаль из-за сломанных судеб людей, нарушивших социальные, моральные или религиозные нормы.

Отдельно в данной группе стоят глаголы *to console* ‘утешать’ – ‘to alleviate the grief, sense of loss, or trouble of’ [21] и *суцяшаць* – ‘сначуваннем, угаворамі аблягчыць чыё-н. гора, перажыванне’ [20]. Интересно отметить разницу в структуре их значений в двух языках – в дефиниции белорусского глагола эксплицитно указана эмоция сочувствия, переживаемая субъектом действия, в то время как определение английского глагола фокусируется не на эмоциях субъекта, а на чувствах того, на кого направлено его (субъекта) действие. Как правило, в дискурсе этот глагол появляется в контекстах, где уже имеется лексика, указывающая на переживание кем-то эмоции грусти, например: *The last night of the sagging trip she **cried**. Helpless, Edgar got bored with having to **console** her* ‘В последний вечер неудавшейся поездки она **разрыдалась**. Эдгару, не способному ей помочь, наскучила необходимость **утешать** ее’ [16, р. 203]; *Света **рыдала** ў спальні да самай ночы. Маці яе **суцяшала** як магла, паіла валяр’янкай і абяцала даць грошы на новыя касеты* [17, с. 160].

Переходя к рассмотрению существительных, отметим, что частота их использования для передачи грусти в двух языках имеет большее расхождение, чем в случае глаголов: 26,7% для английского языка и 30,1% для белорусского.

Ведущую семантическую группу существительных в обоих языках составляют названия разных оттенков грусти. Прежде всего, в поле внимания попадают ядерные единицы вроде *sadness* ‘грусть’, *grief* ‘печаль, скорбь’, *sorrow* ‘печаль, скорбь’; *сум, смутак, скруха, туга, маркота*. В отношении указанных слов примечательно следующее: английские существительные дифференцируются по интенсивности проявления эмоции – *desolation* ‘уныние’ – ‘a feeling of **great sadness** and loneliness’, *grief* ‘печаль, скорбь’ – ‘a **strong** feeling of **sadness**, usually because someone has died’, *sorrow* ‘печаль, скорбь’ – ‘**great sadness**’, *woe* ‘печаль, скорбь’ – ‘a **strong** feeling of **sadness**’ [24]. Необходимо в этой связи отметить роль лексикографических источников, используемых для выявления значений лексем. Для английского языка доступно значительное количество авторитетных словарей, некоторые из которых навязывают свой подход к выстраиванию иерархии эмоций. К примеру, Оксфордский словарь определяет вышеупомянутые оттенки грусти через лексему *sorrow*: *sadness* ‘грусть’ (через прилагательное *sad* ‘грустный’) – ‘feeling or showing **sorrow**’, *grief* ‘печаль, скорбь’ – ‘intense **sorrow**’, *woe* ‘печаль, скорбь’ – ‘**great sorrow** or distress’ [19].

В толковых словарях белорусского языка номинации грусти зачастую не дифференцируются по интенсивности, и вместо раскрытия сути эмоционального переживания словарь лишь предлагает синонимы, в дефинициях которых, в свою очередь, также не проясняется сущность эмоции (по степени интенсивности различается лишь единица *гора* – ‘стан **глыбокага** смутку, душэўнага болю, выкліканыя якім-н. няшчасцем’ [20]): ср. практически идентичные определения из трех толковых словарей [20, 25, 26] (табл. 2).

² Здесь и далее приводится перевод Л.Ю. Мотылева и Л.Б. Сумм [23, с. 396].

Таблица 2. Термины грусти в белорусскоязычных словарях

	Глумачальны слоўнік беларускай мовы (пад рэд. К. Крапівы) [20]	Глумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы [25]	Глумачальны слоўнік беларускай мовы [26]
сум	пачуццё смутку, жалю, душэўнай горычы	пачуццё смутку, жалю, журбы	тужлівы настрой; пачуццё смутку, журбы, маркоты, тугі
смутак	пачуццё суму, маркоты, жалю	пачуццё суму, маркоты, журбы	пачуццё суму, маркоты; невясёлае самаадчуванне
туга	смутак, маркота, журба	смутак, маркота, журба	смутак, маркота, журба
маркота	сум, туга, журба	сум, туга, журба	
скруха	туга, маркота	туга, маркота, жаль, шкадаванне	туга, маркота; жаль, шкадаванне

Проведенное сопоставление указывает на необходимость более детального изучения лексико-семантического поля «Грусть» в белорусском языке для установления его структуры и определения соотношения терминов данной эмоции.

В обе выборки вошли существительные, обозначающие объект или явление, вызывающее грусть: *tearjerker* ‘нечто душечипательное’ – ‘a sentimental story, film, or song, calculated to evoke sadness or sympathy’ [19], *tragedy* ‘трагедия’ – ‘a very sad event that causes people to suffer or die’ [23]; *tragedyia* – ‘жудасная, страшная падзея; няшчасце’ [20]. Использование подобных единиц требует от читателя дополнительной ментальной операции по восстановлению подразумеваемой эмоции, например: *Henry’s story may be a tearjerker, but your pals here don’t seem sentimental* ‘Может, история Генри и душечипательная, но, похоже, твои приятели не особо сентиментальны’ [16, р. 109]. Читатель мысленно упрощает первую часть предложения до модели «История Генри грустная» и вспоминает, что по сюжету семья героя погибла в авиакатастрофе, а значит, его история действительно является печальной и заслуживает сочувствия. В нижеприведенном примере из белорусскоязычного романа использование лексической единицы *tragedyia* побуждает читателя восстановить упомянутые ранее детали биографии героя – Леонид Нилович в результате несчастного случая в горах потерял жену, что стало причиной его глубокой печали: *Леаніду Нілычу толькі праз два тыдні пасля **трагедыі** прывезлі урну з сімвалічным прахам* [17, с. 25].

Примечательным для белорусскоязычной выборки являются существительные *бядак/бядачка, бедны, нябога, няшчасны*. С одной стороны, они объективно характеризуют бедственное положение, несчастное состояние человека, что отражено в дефиниции (например, *бядак* – ‘бяздольны, няшчасны, гаротны чалавек’ [20]). С другой стороны, они также выражают грусть и сочувствие говорящего из-за этого печального положения, о чем могут свидетельствовать и другие единицы в ближайшем контексте, как в следующем примере: *Пакуль не дагуляўся Сярога наш... – унурыўшы пагляд у стол, гаварыў Віталь. – Неяк зімой напіўся да ачмурэння і заваліўся ў сумёт ля плота. Так да ранку і пралежаў, **бядак*** [17, с. 89]. Совместное употребление единиц *унурыўшы* и *бядак* позволяет резюмировать, что герой испытывает грусть из-за судьбы родного брата и выражает это как невербально, так и вербально. В англоязычном дискурсе подобные существительные не распространены – в схожей функции используется сочетание *poor+существительное*: *That poor bloke never did a thing to you* ‘Этот бедняга ни в чем перед тобой не виноват’ [16, р. 61].

Кроме того, в обоих языках были выявлены существительные, называющие невербальные проявления эмоций (*sigh* ‘вздых’, *tears* ‘слёзы’, *sob* ‘всхлипывание»; *плач, слёзы, усхлип*), а также единицы группы сочувствия: *sympathy* ‘сочувствие’, *compassion* ‘сочувствие’, *pity* ‘жалость»; *спягада, спачуванне, суцяшэнне*. Их значения сходны со значениями глаголов невербальной передачи грусти и глаголов сочувствия, которые были рассмотрены выше.

Наиболее существенная разница в количественной представленности лексем, репрезентирующих эмоцию грусти, наблюдается среди прилагательных и наречий. В англоязычной выборке прилагательные составили 42% от всех словоупотреблений, тогда как в белорусскоязычной – лишь 28,5%, в то время как наречия куда более широко представлены в материале на белорусском языке (17,4%), чем на английском (7%). Было закономерно отмечено значительное семантическое пересечение двух классов, обусловленное способами образования наречий, которые регламентированы системой языка: *dolorous/dolorously* ‘печальный/печально’, *mournful/mournfully* ‘скорбный/скорбно’, *wistful/wistfully* ‘тоскливый/тоскливо’, *heartbreaking/heartbreakingly* ‘душераздирающий/душераздирающе’, *wretched/wretchedly* ‘несчастный/несчастно»; *балючы/балюча, роспачны/роспачна, сумны/сумна*.

Объяснение такого количественного расхождения в употреблении прилагательных и наречий, на наш взгляд, может лежать в нормах словообразования и особенностях синтаксического оформления вы-

сказываний, характерных для рассматриваемых языков. Прилагательные в англоязычной выборке по формальным показателям были разделены на три группы:

- оканчивающиеся на *-ing* со значением «вызывающий грусть», например, *heartbreaking* ‘душераздирающий’ – ‘causing intense sorrow or distress’ [21],
- оканчивающиеся на *-ed* (или имеющие форму причастия прошедшего времени неправильных глаголов) со значением «испытывающий грусть», например, *gutted* ‘опустошенный’ – ‘bitterly disappointed or upset’ [19], *crestfallen* ‘удрученный’ – ‘sad and disappointed’ [19],
- прочие прилагательные (непроизводные, а также с суффиксами *-ous*, *-al*, *-ful* и др.), например, *poor* ‘бедный’ – ‘deserving of pity or sympathy’ [19], *dolorous* ‘печальный’ – ‘feeling or expressing great sorrow or distress’ [19].

Большинство встретившихся в выборке наречий были образованы от прилагательных третьей группы. Безусловно, система языка позволяет образовать наречия от прилагательных на *-ing* и *-ed* (о чем свидетельствуют словари), однако в дискурсе, особенно, современном, такие формы обладают низкой частотностью. Вместо сочетаний с подобными наречиями авторы склонны использовать для передачи эмоций синтаксические модели, включающие соответствующие прилагательные.

В белорусском языке, как правило, большинство прилагательных, обозначающих эмоциональные состояния, можно преобразовать в наречия: *змрочны/змрочна*, *паньлы/паньла*, *спачувальны/спачувальна*, *замаркочаны/замаркочана* и т.д., поэтому количественная разница во встречаемости этих частей речи в белорусскоязычном дискурсе значительно меньше, чем в англоязычном.

Отдельно были рассмотрены так называемые сентенциальные наречия, которые выражают отношение говорящего к содержанию предложения или его части [27]. Их доля составила 2,3% в выборке на английском языке, на белорусском – 1,6%. По своей форме они могут совпадать с предикативными наречиями или наречиями образа действия, но, в зависимости от выполняемой в предложении функции, данные единицы отличаются оттенком значения, которое передают, например:

1. *sadly*:

a) в значении грусти (*‘in a sad manner’* [19]), наречие образа действия: *“Barrington understood,” she added sadly* ‘– Баррингтон понимал, – с грустью добавила она’ [16, p. 72],

b) в значении сожаления (*‘it is a sad or regrettable fact that; unfortunately’* [19]), сентенциальное наречие: *“You really are bizarrely young-looking. You know that, don’t you?” – “Sadly, yes.”* ‘– У вас и правда очень юный вид, даже странно. Вы и сами это, наверно, знаете. / – Увы, да’ [22, p. 311; 23, с. 468];

2. *шкана*:

a) в значении сочувствия (*‘пра пачуццё жалю, спагады і пад. да каго-, чаго-н.’* [20]), предикативное наречие: *Я ваіхых размоў наслухаўся. Сам быў маладым. І стала мне вас шкана* [28, с. 18];

b) в значении сожаления (*‘на жаль’* [20]): *Адно здзівілася, што ён яго не запісаў, а сказаў, што запомніць. «Не запомніць. Шкана»* [17, с. 151].

При анализе также было отмечено, что отдельные оттенки грусти представлены в романах во всех или почти всех знаменательных частях речи (табл. 3).

Таблица 3. – Словообразовательные гнезда некоторых репрезентантов эмоции грусти

Существительное	Глагол	Прилагательное	Наречие
depression	to depress	depressed, depressing depressive	–
mourning	to mourn	mournful	mournfully
pity self-pity	to pity	piteous, pitiable pitying	piteously
regret	to regret	regrettable regretful	regrettably
sadness	to sadden	sad	sadly
sorrow	to sorrow	sorrowful	sorrowfully
sympathy	sympathize	sympathetic	sympathetically
маркота	маркоціцца	маркотны, замаркочаны	маркотна
нуда	нудзіцца	нудны	нуднавата
смутак	засмуціць/ца смуткаваць	засмучаны	
спагада	спагадаць	спагадлівы	спагадліва
шкадаванне шкадоба	шкадаваць	–	шкада

Можно предположить, что, чем больше единиц входит в словообразовательное гнездо некоторой единицы в языке и чем оно чаще представлено в дискурсе, тем более значимым является обозначаемое эмоциональное переживание.

Обратимся к функционированию выявленных единиц в контексте, что позволяет установить некоторые закономерности. Прежде всего, рассмотрим использование эмотивных лексем в речи автора и персонажей. Прямая речь может репрезентировать эмоции с трех позиций: собственные эмоции говорящего, эмоции собеседника и эмоции третьих лиц. Так, в высказываниях от первого лица (включая письма, текстовые сообщения и мысли) герой может

- называть свои эмоции – *I deeply regret any loss of life that has resulted from our fight for freedom* ‘Я глубоко скорблю обо всех, кто пал жертвой нашей борьбы за независимость’ [16, р. 164]; *Добры ён чалавек, шкада мне яго* [29, с. 59];

- описывать – *Those ‘lynchings,’ as you call them, were tragic* ‘Эти «линчевания», как вы их называете, были трагичными’ [16, р. 311]; *Але камень, нейкі гнятлівы камень залёг у маім сэрцы з таго часу* [17, с. 103];

- выражать их – *And then he killed her. My poor mother* ‘А потом он убил ее. Мою бедную маму’ [22, р. 306; 23, с. 461]; *Бедная, бедная мая мама* [17, с. 90].

Информацию об эмоциональном состоянии персонажа также можно получить из комментариев, содержащихся в прямой речи его собеседника. Такой комментарий принимает форму

- вопроса – *Won’t you tell me what’s upsetting you tonight?* ‘Не расскажете мне, что вас огорчает?’ [22, р. 186; 23, с. 276]; *Васіль, чаго пахмурны такі?* [30, с. 75],

- побуждения, обычно в отрицательной форме – *Don’t be sorry. Just go. Go to your protest* ‘Не надо просить прощения. Иди, и все. Иди на свою акцию’ [22, р. 415; 23, с. 619]; *Ты не журыся, што Жэня да цябе так настаўіўся* [30, с. 189],

- утверждения – *“I was just thinking about my mother.” <...> “You’re missing her,” Leila said ‘– Я просто вспомнила о маме. <...> – Вы по ней скучаете, – сказала Лейла’* [22, р. 202; 23, с. 299]; *Табе балюча! А якога ліха ты да мяне заляцаўся?* [17, с. 152].

Наконец, в прямой речи может присутствовать указание на эмоции третьих лиц. В этом случае высказывание персонажа по своей функции (комментирования и интерпретации) уподобляется речи автора, например: *I understand that the correspondent for the esteemed National Record ... was especially moved by Humberto’s poor fortune* ‘Насколько я понимаю, корреспондент из уважаемой «Нэшонал рэкорд» ... был особо растроган печальной судьбой Умберто’ [16, р. 310]; *Ёсць жа розныя людзі. І розныя акцёры – таксама. Добрыя, дрэнныя, удачлівыя, апальныя, шчаслівыя і гаротныя* [17, с. 100].

Художественный дискурс является сложным лингвистическим объектом, а его структура полностью подчиняется авторскому замыслу. Именно автор решает, насколько эмоционально заряженной будет та или иная сцена и какие языковые средства будут для этого использованы. Нередко предельно эмоциональные ситуации характеризуются большим количеством эмотивных лексем в небольшом отрезке текста, что передает накал переживаний и эмоционально вовлекает читателя. Проиллюстрируем это положение примерами.

В следующем отрывке описано переживание персонажем глубокой печали, на что указывает многократная актуализация семы грусти в рамках одного абзаца: *“He was at risk himself now – at risk of weeping when he listened to their sad stories. It was as if sadness were a chemical element that everything he touched consisted of. His mourning was mostly for Annagret but also for his old ... self. He would have imagined that his primary feeling would be anxiety, the feverish fear of discovery and arrest, but the Republic appeared to be intent on sparing him, for whatever sick reason, and he could no longer remember why he’d laughed at the country and its tastelessness. It now seemed to him more like a Republic of Infinite Sadness. Girls still came to his office door, interested in him, maybe even all the more intrigued by his air of sorrow”* («Теперь он сам был в группе риска – рисковал заплакать, выслушивая их печальные истории. Словно печаль была химическим элементом, из которого состояло все, до чего он дотрагивался. Больше всего он горевал по Аннагрет, но еще и по своему прежнему ... «я». Он ожидал, что главным его чувством станет тревога, лихорадочная боязнь разоблачения и ареста, но Республика по какой-то нездоровой причине, похоже, решила его пощадить, и он уже не помнил толком, почему смеялся над этой страной, над царящим в ней дурновкусием. Теперь она казалась ему Республикой бесконечной печали. Девушек все так же к нему влекло, его грустный вид, может быть, интриговал их даже сильнее» [22, р. 132; 23, с. 196].

Такой прием характерен и для белорусскоязычного художественного дискурса: *Зусім замаркочаны хлопец пабрыў у бар, наліў два куфлі піва і, сцяўшы зубы, аднёс іх свайму крыўдзіцелю. <...> Пасля гэтага Гарун запёрся ў прыбіральні і зарыдаў, як школьнік. Было пакутліва шкада сябе, бо жыццё яшчэ раз нагадала Анатолю, што ён чарвяк, якога можа раздушыць кожны багаты дый проста бязлітасны і дужы чалавек. Змываючы пад кранам слёзы і соплі, хлопец бедаваў над тым, які ён слабы, адзінокі, нікім, апроч маці, не любімы чалавечак* [17, с. 57].

Вместе с тем куда чаще эмоция является лишь сопутствующим компонентом той или иной ситуации, фоном для основного события. В таком случае эмотивные лексемы расщеплены в контексте более равномерно. Например, в данном отрывке повзрослевший герой возвращается в дом детства и испытывает грусть от воспоминаний: *he felt his heart veer dangerously close to sympathy. He didn't regret having made their later years barren ... but he'd loved them so much, as a child, that the sight of their old furniture saddened him* 'он ощутил в сердце опасную готовность к сочувствию. Нет, он не сожалел, что оставил их под старость одних ..., но в детстве он любил их так сильно, что вид знакомой старой мебели опечалил его' [22, р. 76–77; 23, с. 113]. Чуть дальше в тексте встречаем сочетание *quick cure for nostalgia* 'быстрое средство от ностальгии', которое возвращает читателя к ранее упомянутой эмоции грусти.

Подобные примеры находим и в романах на белорусском языке. В следующем отрывке герой по сюжету проиграл большую сумму денег в бильярд, и сообщение о его эмоциональной реакции дается фоном при описании действий других персонажей: *пакуль Яраслаў у роспачы жлуқціў каньяк, Ліка паспела падысці да Яніса, што вярнуўся да свайго століка, узяць у яго сто даляраў (умоўлены працэнт з выйгрышу) і, мала таго, нават аддаць пяцьдзесят даляраў Гаруну, які і без тых грошай быў на сёмым небе ад шчасця. <...> Яніс жа вытў заўсёды келіх "Бардо", ціха ўстаў і прывідам выслізнаў з залы, у супрацьлеглым куце якой, за стойкай бара, бедаваў і заліваў пройгрыш каньяком піцёрскі злодзеі* [21, с. 67].

Заключение. Проведенный анализ позволил установить сходства и различия в частеречной представленности лексических репрезентантов грусти и особенности их функционирования в художественном дискурсе на английском и белорусском языках. В дискурсе на обоих языках были выделены глаголы и существительные, называющие эмоцию грусти и ее оттенки (горе, скорбь, сожаление, разочарование, сочувствие и др.), а также обозначающие невербальные ее проявления. Обнаруженные различия в количественной представленности выделенных семантических групп во многом объясняются социокультурными нормами выражения эмоций, существующими у двух народов. Было выявлено отсутствие в англоязычной выборке названий лиц, вызывающих сочувствие, что объясняется разным подходом языков к структурированию действительности. Причины различий, обнаруженных в представленности прилагательных и наречий, сводятся к нормам словообразования, присущим исследуемым языкам, а также особенностям синтаксического оформления высказываний. Также было рассмотрено функционирование лексем грусти в высказываниях персонажей о собственных эмоциях, эмоциях собеседника и третьих лиц. В результате анализа обнаружено преобладание в дискурсе на обоих языках контекстов, характеризующихся неоднократной вербализацией эмоции грусти в рамках отдельной эмоциональной ситуации. Кроме того, выявлены контексты, фокусирующиеся на эмоции грусти и насыщенные соответствующей лексикой, и контексты, в которых эмоциональное переживание служит фоном для основных событий и поэтому характеризующиеся большей текстовой дистанцией между лексемами, репрезентирующими грусть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Изард, К.Э. Психология эмоций / К.Э. Изард. – СПб. : Питер, Лидер, 2011. – 460 с.
2. Шаховский, В.И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В.И. Шаховский. – М. : URSS; Либроком, 2010. – 124 с.
3. Вандриес, Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю / Ж. Вандриес ; пер. с франц. – 3-е изд., стер. – М. : УРСС, 2004. – 407 с.
4. Ортони, А. Когнитивная структура эмоций / А. Ортони, Дж. Клоур, А. Коллинз // Язык и интеллект. – М. : Изд. группа «Прогресс», 1995. – С. 314–384.
5. Додонов, Б.И. Эмоция как ценность / Б.И. Додонов. – М. : Политиздат, 1978. – 272 с.
6. Доўгаль, А.В. Сродкі выражэння эмоцый у сучаснай беларускай мове / А.В. Доўгаль. – Мінск : Тэхналогія, 2008. – 175 с.
7. Селяев, А.В. Сопоставительный анализ лингвистических средств выражения положительных и отрицательных эмоций в британском и американском вариантах английского язык : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А.В. Селяев ; Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н.А. Добролюбова. – Н. Новгород, 1995. – 16 с.
8. Ortony, A. What's Basic About Basic Emotions? [Electronic resource] / A. Ortony, T. Turner. – Mode of access: http://www.cs.northwestern.edu/~ortony/Andrew_Ortony_files/1990%20-%20Basic%20emotions.pdf. – Date of access: 30.08.17.
9. Damasio, A. The Feeling of what Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness / A. Damasio. – New-York: Harcourt Brace, 1999. – 386 p.
10. Johnson-Laird, P. N. Emotions, Music, and Literature / P. N. Johnson-Laird, K. Oatley // Handbook of emotions / edited by M. Lewis, J. M. Haviland-Jones, L. Feldman Barrett. – 3rd ed. – New York: Guilford Press, 2008. – P. 102–113.
11. Синельникова, И.И. Эмотивные фразеологизмы французского языка в структуре фразеосемантического поля «Грусть / печаль / горе» [Электронный ресурс] / И.И. Синельникова, Ю.Г. Синельников, С.А. Андросова. – Режим доступа: http://dSPACE.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/18490/1/Sinelnikova_Emotivnye_Frazeologizmy.pdf. – Дата доступа: 02.03.2018.
12. Колесов, В.В. Грусть-тоска в русском языковом сознании [Электронный ресурс] / В.В. Колесов. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/grust-toska-v-russkom-yazykovom-soznanii>. – Дата доступа: 02.03.2018.

13. Лазариди, М.И. Лексикографическое описание номинативно-функционального поля психических состояний со значением “грусть” [Электронный ресурс] / М.И. Лазариди. – Режим доступа: <http://arch.kyrlibnet.kg/uploads/KRSULAZARIDIM.I.2010-3.pdf>. – Дата доступа: 02.03.2018.
14. Соловьев, В.Д. Контрастивный анализ структуры семантического поля эмоций в русском и английском языках [Электронный ресурс] / В.Д. Соловьев. – Режим доступа: <http://old.kpfu.ru/fil/kn1/index.php?sod=21>. – Дата доступа: 02.03.2018.
15. Шмелев, А.Д. Грусть и печаль: сходства и различия [Электронный ресурс] / А.Д. Шмелев. – Режим доступа: <http://russkayarech.ru/files/issues/2014/1/Shmelev%2044-51.pdf>. – Дата доступа: 02.03.2018.
16. Shriver, L. *The New Republic: A Novel* / L. Shriver. – New York : Harper Perennial, 2012. – 359 p.
17. Южык, М. Марыянеткі і лялькаводы [Электронный ресурс] / М. Южык. – Режим доступа: http://kamunikat.org/usie_knihi.html?pubid=16458. – Дата доступа: 07.04.2017.
18. Wierzbicka, A. *Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals* / A. Wierzbicka. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – 349 p.
19. Oxford English Living Dictionaries [Electronic resource]. – Mode of access: <https://en.oxforddictionaries.com>. – Date of access: 15.02.2018.
20. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.skarnik.by/tsbm>. – Дата доступа: 18.02.2018.
21. Merriam-Webster's Dictionary and Thesaurus [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.merriam-webster.com>. – Date of access: 15.02.2018.
22. Franzen, J. *Purity: A Novel* / J. Franzen. – New York : Farrar, Straus and Giroux, 2015. – 492 p.
23. Франзен, Дж. Безгрешность: роман / Дж. Франзен ; пер. с англ. Л.Ю. Мотылева, Л.Б. Сумм. – М. : Изд-во АСТ : CORPUS, 2016. – 736 с.
24. Macmillan English Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.macmillandictionary.com>. – Date of access: 16.02.2018.
25. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / уклад.: І.Л. Капылюў [і інш.] ; пад рэд. І.Л. Капылова. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2016. – 967 с.
26. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / А.Я. Баханькоў, І.М. Гайдукевіч, П.П. Шуба. – Мінск : Парадокс, 2000. – 413 с.
27. Predelli, S. *Contexts: Meaning, Truth, and the Use of Language* / S. Predelli. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 198 p.
28. Клімковіч, М. Цень Анёла. Раман. Частка трэцяя / М. Клімковіч, У. Сцяпан // Маладосць. – 2008. – №3. – С. 17–42.
29. Клімковіч, М. Цень Анёла. Раман. Частка другая / М. Клімковіч, У. Сцяпан // Маладосць. – 2008. – №2. – С. 37–70.
30. Южык, М. Перакулены час [Электронный ресурс] / М. Южык. – Режим доступа: http://kamunikat.org/usie_knihi.html?pubid=16459. – Дата доступа: 12.04.2017.

Поступила 05.03.2018

LEXEMES REPRESENTING SADNESS AND ASPECTS OF THEIR FUNCTIONING IN FICTIONAL DISCOURSE

O. GRAFUTKO

The paper presents the results of the study of lexical means representing the emotion of sadness and their functioning in English and Belarusian fictional discourse. Said lexemes are grouped according to the part of speech they belong to and compose a number of semantic groups, the similarities and differences of which are singled out. The paper highlights some peculiarities of how sadness is verbalized in characters' and author's speech as well as the role of the chosen lexical units in the semantic discourse structure.

Keywords: *fictional discourse, emotions, emotivity, sadness, negative emotions.*